

тения в данном вопросе. Здесь имеет значение не институциональный аспект (организационно-правовая форма, форма собственности, доля государства в уставном фонде юридического лица), а функциональный аспект — организация должна осуществлять публичные функции от имени государства — участника Вашингтонской конвенции. Однако если государство сообщило МЦУИС о таком уполномоченном органе, презюмируется, что этот орган действительно обладает достаточными полномочиями, чтобы выступать стороной спора в МЦУИС. Напротив, уведомление государством МЦУИС о его уполномоченных органах, которые наделены правом самостоятельно выступать в качестве стороны в споре, влечет отсутствие юрисдикции МЦУИС рассматривать такой спор. Вашингтонской конвенцией не установлен период, в течение которого государство-участник должно информировать МЦУИС об уполномоченных органах, следовательно, уведомление может быть сделано в любой момент до подачи заявления об урегулировании спора посредством механизмов МЦУИС.

Стороной в споре может быть и административно-территориальная единица государства. Так, в деле *Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona S.A. and Vivendi Universal S.A. v. Argentine Republic* иск был предъявлен к Аргентине в связи с нарушением должностными лицами концессионного соглашения, заключенного между инвесторами и провинцией Тукуман Аргентинской Республики.

Невыполнение критерия *ratione personae* не является безусловным препятствием для обращения в МЦУИС в целях урегулирования спора между государством и инвестором. В 1978 г. были приняты Правила дополнительных процедур (*Additional Facility Rules*), которые сделали возможным обращение в МЦУИС и в случаях, когда одной из сторон является государство, не участвующее в Вашингтонской конвенции, или инвестор имеет национальность такого государства. Кроме того, согласно Правилам дополнительных процедур могут разрешаться споры, не имеющие непосредственной связи с инвестициями. При рассмотрении спора согласно Правилам дополнительных процедур нормы Вашингтонской конвенции не применяются, к приведению в исполнение решения подлежит применению Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. В настоящее время этот акт действует в редакции 2006 г.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ИНВЕСТОРОМ ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ

Бакиновская О. А., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Одним из основополагающих принципов в частноправовых отношениях, в том числе осложненных иностранным элементом, является принцип свободы договора, трактуемый в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г. (далее — Принципы УНИДРУА 2010) как свобода сторон вступать в договор и определять его содержание. Сфера действия Принципов УНИДРУА 2010 охватывает международные коммерческие договоры, поня-

тие которых должно рассматриваться максимально широко. В литературе обоснованно предлагается в число таких договоров предпринимательских сделок по поставке или обмену товарами или услугами включать иные типы экономических сделок, в том числе инвестиционные и/или концессионные соглашения.

Одной из формирующихся тенденций современного развития права, на наш взгляд, является взаимное проникновение и тесное переплетение частноправовой и публично-правовой сфер, что, например, проявляется во влиянии публичных интересов на свободу договора, отчетливо прослеживаемое в законодательстве в сфере инвестиций при заключении инвестиционного договора с Республикой Беларусь на основании статьи 17 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «Об инвестициях».

Степень указанного влияния можно даже определить как «конфликт» принципа свободы договора и публичных интересов при осуществлении инвестиций в рамках инвестиционного договора с Республикой Беларусь, причинами которого мы видим неопределенность правовой природы и места в правовой системе данного договора.

Анализ положений Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» (в редакции Декрета Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2015 г. № 8) не позволяет утверждать о безусловной гражданско-правовой природе инвестиционного договора с Республикой Беларусь. По существу она является смешанной (гражданско-правовой и административно-правовой), но, полагаем, что для целей предсказуемости правового регулирования осуществления инвестиций на основании данной формы правового взаимодействия инвестора и государства, а также с целью повышения уровня защиты прав и законных интересов инвесторов следует в правоприменительной практике исходить из гражданско-правовой природы инвестиционного договора с Республикой Беларусь. Данный тезис необходимо учитывать при регулировании соответствующих отношений, кроме случаев, когда на основании актов законодательства в сфере инвестиций отношения регулируются императивными нормами.

Доминанта публичного интереса в отношениях, основанных на инвестиционном договоре с Республикой Беларусь, проявляется в ограничении принципа свободы договора, которое должно быть разумным и обоснованным, поскольку несоразмерное ограничение прав инвестора отрицательно повлияет на инвестиционный климат в Республике Беларусь и соответственно на приток иностранных инвестиций.

Ограничения свободы договора в законодательстве в сфере инвестиций должно строиться на их формулировании непосредственно в нормативных правовых актах, что позволит исключить возможность различного рода усмотрений в правоприменительной практике, минимизирует риск установления факта ничтожности инвестиционного договора или его оспоримости, обеспечит прозрачность законодательства и единообразие исполнения условий инвестиционных договоров со стороны уполномоченных органов государственного управления.

Полагаем, что специфику принципа свободы договора в отношениях по осуществлению инвестиций следует закрепить на уровне законодательного акта, построив его модель на самостоятельности принятия потенциальными сторонами решения вопроса о вступлении в договорные отношения; свободно-дозволительном определении содержания инвестиционного договора, вырабатываемого в результате переговорного процесса; ограничении свободы прекращения договорных отношений объективными причинами; свободе выбора места заключения инвестиционного договора; свободе выбора органа по разрешению инвестиционных споров.

Также полагаем, что принцип свободы договора применительно к инвестиционному договору с Республикой Беларусь с учетом воздействия публичной составляющей не должен включать в себя такие свободы как:

— свобода выбора времени заключения договора (процедура переговоров и процесса заключения договора должна быть жестко регламентирована по срокам, что не позволит государственным органам «затягивать» процесс переговоров и согласования условий, исключит коррупционную составляющую);

— свобода выбора уровня договора со стороны инвестора (вопрос об уровне заключения договора, т. е. о возможности предоставления инвестору льгот и преференций, не указанных в действующем законодательстве должен решаться на уровне уполномоченного органа государственного управления. Инвестор имеет право только претендовать на заключение инвестиционного договора первого или второго уровня);

— свобода выбора формы договора (инвестиционный договор должен заключаться в письменной форме, в том числе следует допустить возможность его заключения путем составления электронного документа).

КОНФЛИКТ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Данилевич А. С., Белорусский государственный университет

Вопрос конфликта правовых культур в международном коммерческом арбитраже беспокоит практиков на протяжении нескольких последних десятилетий. Рост числа споров между сторонами различной государственной принадлежности с использованием представителей из разных правовых систем неизбежно притягивает внимание к отличающимся подходам в написании процессуальных документов, неодинаковому соблюдению правил этики в разбирательстве и иным расхождениям.

Безусловно, когда мы говорим о конфликте правовых культур в арбитражном процессе, мы говорим о тех принципиально разных подходах, которые приносят в разбирательство арбитры и представители сторон из различных правовых систем. Наиболее ярким проявлением такого конфликта является несоответствие подходов юристов из стран англо-саксонской системы права и континентальной системы.